

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК
Покорность

MICHEL HOUELLEBECQ
Soumission

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК
Покорность

Роман

Перевод с французского
Марии Зониной

издательство **аст**

москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
У98

Редакция благодарит СЕРГЕЯ ПАРХОМЕНКО за помощь в подготовке книги.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Уэльбек, Мишель.

У98 Покорность / Мишель Уэльбек; пер. с франц. М. Зониной. — Москва: Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 352 с.

ISBN 978-5-17-089765-0

Блестящий и непредсказуемый Мишель Уэльбек — один из самых знаменитых писателей планеты, автор мировых бестселлеров “Элементарные частицы”, “Платформа”, “Возможность острова”, “Карта и территория” (Гонкуровская премия 2010 года). Его новый роман “Покорность” по роковому совпадению попал на прилавки в день кровавого теракта в журнале “Шарли Эбдо”, посвятившем номер выходу этой книги.

“Покорность” повествует о крахе в недалеком будущем современной политической системы Франции. Сам Уэльбек определил жанр своего романа как “политическую фантастику”. Действие разворачивается в 2022 году. К власти демократическим путем приходит президент-мусульманин, страна начинает на глазах меняться. Одиноким интеллектual по имени Франсуа, поглощенный наукой, университетскими интригами и поиском временных подруг, неожиданно обнаруживает, что его мир рухнет, как картонный домик.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-089765-0

- © Michel Houellebecq et Flammarion, 2015
 - © М. Зонина, перевод на русский язык, 2016
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2016
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Часть первая	11
Часть вторая	53
Часть третья	145
Часть четвертая	199
Часть пятая	259
<i>Слова благодарности</i>	347

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Шум вокруг вернул его в Сен-Сюльпис. Певчие собрались уходить, храм закрывался. Надо было бы попробовать помолиться, подумал Дюрталь, чем так по-пустому мечтать, сидя на стуле, но как молиться? Я вовсе этого не хочу; я заморожен католичеством, его запахом воска и ладана; я брожу вокруг него, тронутый до слез его молитвами, проникнутый до мозга костей его причитаниями и песнопениями. Мне совершенно опротивела моя жизнь, я очень устал от себя, но отсюда еще так далеко до другой жизни! И пожалуй, вот еще что: в храме я взволнован, но, выйдя из него, сразу становлюсь холоден и сух. “В сущности, — заключил он, следуя к дверям вместе с последними посетителями, которых подгонял служка, — в сущности, мое сердце задубело и закопилось в разгуле. Ни на что я уже не годен”.

Ж.-К. ГЮИСМАНС

*На пути*¹

1 Перевод Н. Зубкова.

В течение долгих лет моей невеселой юности Гюисманс оставался моим спутником и верным другом; я ни разу не усомнился в нем, ни разу не возникло у меня желания расстаться с ним или выбрать себе другую тему; так что в один прекрасный июньский день 2007 года, после всяческих проволочек, нарушив все мыслимые и немыслимые сроки, я защитил в университете Сорбонна — Париж-IV¹ диссертацию “Жорис-Карл Гюисманс, или Выход из тупика”. На следующее же утро (а может быть, и в тот же вечер, не поручусь, потому что вечером после защиты я напился в полном одиночестве) мне стало ясно, что завершилась определенная часть моей жизни и, скорее всего, лучшая ее часть.

В таком положении оказываются в нашем обществе, пока еще западном и социал-демократическом, все, кто заканчивает свое обучение, хотя мно-

¹ В результате реорганизации Сорбонны в 1970 году были образованы 13 университетов, различающихся по направлениям обучения. В их числе университеты Париж-IV (Париж — Сорбонна) и Париж-III (Новая Сорбонна). (*Здесь и далее — прим перев.*)

гие и не осознают этого, по крайней мере не сразу, одержимые жаждой заработка или, возможно, потребления — в случае самых примитивных особей, попавших в острую зависимость от ряда товаров (но таких все же меньшинство, а люди более солидные и вдумчивые заболевают простейшей формой помешательства на деньгах, этом “неутомимом Протее”), но в еще большей степени они одержимы желанием проявить себя, заполучить место под солнцем в мире, основанном, как они полагают и надеются, на соревновательном принципе, к тому же их раззадоривают всякого рода идолы, будь то спортсмены, модные дизайнеры, создатели веб-сайтов, актеры или топ-модели.

По разным причинам психологического свойства, анализировать которые у меня нет ни достаточной компетентности, ни желания, я не вписался в рамки общей схемы. Первого апреля 1866 года восемнадцатилетний Жорис-Карл Гоисманс начал свою профессиональную деятельность в должности служащего шестой категории в министерстве внутренних дел и религий. В 1874 году он издал за свой счет “Вазу с пряностями”, первый сборник стихов в прозе, практически не замеченный критикой, если не считать весьма дружелюбной статьи Теодора де Банвиля. Так что его первые шаги в этом мире, как мы видим, особого фурора не произвели.

Так и прошла его служебная жизнь и жизнь вообще. Третьего сентября 1893 года он был награжден орденом Почетного легиона за заслуги на государственной службе. В 1898-м вышел на пенсию, имея за плечами — с учетом отпусков по семейным обстоятельствам — тридцать лет положенного трудового стажа. За это время он умудрился написать ряд книг, побудивших меня более чем столетие спустя считать его близким другом. О литературе было написано много, может быть, даже слишком много (уж я-то, будучи преподавателем университета и специалистом в этой области, знаю, о чем говорю). Особенность литературы, одного из *главных искусств* той западной цивилизации, которая на наших глазах завершает свое существование, не так уж и трудно сформулировать. Музыка, в той же степени, что и литература, может вызвать потрясение, эмоциональную встряску, безграничную печаль или восторг. Живопись, в той же степени, что и литература, может дать повод для восхищения и предложить по-иному взглянуть на мир. Но только литературе подвластно пробудить в нас чувство близости с другим человеческим разумом в его полном объеме, с его слабостями и величием, ограниченностью, суетностью, навязчивыми идеями и верованиями; со всем, что тревожит, интересует, будоражит и отвращает его. Только литература позво-

ляет самым непосредственным образом установить связь с разумом умершего, даже более исчерпывающую и глубокую, чем та, что может возникнуть в разговоре с другом; какой бы крепкой и проверенной временем ни была дружба, мы не позволяем себе раскрываться в разговоре так же безоглядно, как сидя перед чистым листом бумаги и обращаясь к неизвестному адресату. Разумеется, когда речь идет о литературе, имеют значение красота стиля и музыкальность фраз; не следует также пренебрегать глубиной авторской мысли и оригинальностью его суждений; но автор — это прежде всего человек, присутствующий в своих книгах, и в конечном счете не так уж и важно, хорошо или плохо он пишет, главное — чтобы писал и действительно присутствовал в своих книгах (странно, что такое простое и вроде бы элементарное условие оказывается в реальности слишком сложным и что этот очевидный и легко поддающийся наблюдению факт был так мало использован философами всех мастей; дело, однако, в том, что люди, в принципе, обладают, за неимением качества, равным количеством бытия, и, в принципе, все они в равной мере так или иначе *присутствуют*; однако по прошествии нескольких столетий впечатление складывается совершенно иное, и чаще всего с каждой новой страницей, явно продиктованной в большей степени духом време-

ни, нежели собственно личностью пишущего, тает на наших глазах туманный субъект, все более призрачный и безликий). Точно так же, если книга нравится, это значит, по сути, что нам нравится ее автор, к нему хочется все время возвращаться и проводить с ним целые дни напролет. Все семь лет, отданные диссертации, я прожил в обществе Гюисманса, в его практически постоянном присутствии. Гюисманс родился на улице Сегюр, жил на улице Севр и улице Месье, умер на улице Сен-Пласид, а похоронили его на кладбище Монпарнас. Таким образом, почти вся его жизнь протекала в пределах шестого округа Парижа — а профессиональная жизнь в течение тридцати с лишним лет протекала в кабинетах министерства внутренних дел и религий. Я тоже жил тогда в шестом округе, в холодной и сырой, а главное, совершенно темной комнате — окна выходили в крохотный дворик, больше напоминавший колодец, так что мне приходилось зажигать свет с самого утра. Я страдал от бедности и, если бы мне пришлось отвечать на один из многочисленных опросов, сочинители которых периодически пытаются выяснить, “чем дышит молодежь”, я бы наверняка определил условия своей жизни как “скорее тяжелые”. Однако наутро после защиты (а может быть и в тот же вечер) первой моей мыслью было, что я утратил нечто бесценное, нечто, что я уже никогда